

Худолеев Алексей Николаевич

П. Н. ТКАЧЕВ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Статья посвящена биографии видного теоретика революционного народничества П. Н. Ткачева. Автор уделяет большое внимание условиям становления и развития его социально-политических взглядов. В итоге делается вывод о трагической судьбе П. Н. Ткачева, не признанного современниками, но оказавшего существенное влияние на развитие революционного движения в России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 177-183. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

LIABILITY CLASSIFICATION ON THE BASIS OF ACCESSORY CRITERION

Tat'yana Anatol'evna Fomina

Advocatory Chamber of Ul'yansovsk Region
0724@mpro.ru

The author reveals the traditional approaches to liability classification according to accessory feature, suggests the classification on accessory basis, determines classification object and reveals the notions of accessory as a criterion, accessory and non-accessory liability and main liability.

Key words and phrases: liability classification; accessory; accessory liability; non-accessory liability.

УДК 929(092)

Статья посвящена биографии видного теоретика революционного народничества П. Н. Ткачева. Автор уделяет большое внимание условиям становления и развития его социально-политических взглядов. В итоге делается вывод о трагической судьбе П. Н. Ткачева, не признанного современниками, но оказавшего существенное влияние на развитие революционного движения в России.

Ключевые слова и фразы: П. Н. Ткачев; радикализм; народничество; историческая биография; революционное движение; русский бланкизм; русская общественная мысль.

Алексей Николаевич Худолеев, к.и.н., доцент

Кафедра отечественной истории и методики преподавания истории

Кузбасская государственная педагогическая академия

khudoleev73@mail.ru

П. Н. ТКАЧЕВ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ®

Имя Петра Никитича Ткачева, казалось бы, известно еще со школьной скамьи. Во всех школьных учебниках о нем говорится как о стороннике заговорщического метода революционной борьбы. В научном мире П. Н. Ткачев известен как основатель «русского бланкизма» – наиболее крайнего направления в народническом движении второй половины XIX века. Однако реальные роль и место этого мыслителя в истории русского революционного движения по достоинству еще не оценены. При жизни П. Н. Ткачева был известен в радикальных кругах как талантливый, но острополюемичный литературный критик, проповедовавший в своих публицистических произведениях немедленную насильственную революцию силами хорошо организованного и сплоченного революционного меньшинства и установление диктаторского социалистического строя, «казарменного коммунизма», как говорили современники Ткачева. К тому же он не возлагал особых надежд на народные массы в деле строительства нового общества, считая их закостеневшими, неспособными на созидательную деятельность.

Идеи Ткачева не воспринимались всерьез в революционно-народническом лагере. По словам В. Н. Фигнер, «над ними просто смеялись» [21, с. 107]. Ткачев был в одиночестве. По воспоминаниям Л. Г. Дейча, «огромное, преобладающее большинство тогдашних деятелей не только совершенно не разделяло его взглядов на задачи социалистов в России, но даже избегало каких-либо личных с ним сношений. Особенно энергично проявляли свое к нему нерасположение, чтобы не сказать вражду, эмигранты. За исключением пары-другой его личных друзей и единомышленников, все остальные изгнанники даже не раскланивались с ним» [7, с. 81]. Однако спустя сорок лет после смерти Ткачева его личность и социально-политические взгляды стали рассматриваться по-другому.

В ходе бурных дискуссий 1920-х годов о предпосылках Октябрьской революции и корнях большевизма ключевой стала фраза советского историка С. И. Мицкевича: «Октябрьская революция прошла вполне по Ткачеву» [9, с. 16]. В свою очередь, патриарх российского социал-демократического движения П. Б. Аксельрод риторически спрашивал поколение «проглядевших» и «смеявшихся»: «Разве ткачевское “революционное меньшинство”, противостоящее неспособному на революционное творчество народу, не напоминает большевистских “носителей революционной сознательности”, противопоставляемых массам как носителям “стихийности”? Разве “централизация власти и децентрализация функций” Ткачева не то же самое, что известный организационный план Ленина, отводящий члену партии роль “колесиков и винтиков” партийного механизма, управляемого центром (формально) или единой волей? Разве филиппики какой-нибудь “Правды” против современного рабочего движения не напоминают выпадов “Набата” против первого Интернационала Маркса? Наконец, разве большевистский террор не является чудовищным применением к жизни той теории истребления врагов, которую выдвинул Ткачев в оправдание и обоснование практики Нечаева?»

[1, с. 198]. Такая актуализация дала обратный эффект. Жизненный путь Ткачева, его революционная теория тщательно не изучались в советской историографии. Многие рассматривались либо тенденциозно и поверхностно, либо вообще замалчивались.

Исходя из этого, будет небезынтересным, на наш взгляд, рассказать о биографии человека, не признанного современниками, почти преданного забвению потомками, но сыгравшего громадную роль в появлении концепции революционного действия, которая впоследствии стала называться большевизмом.

Петр Никитич Ткачев родился 29 июня (11 июля) 1844 года в имении, принадлежавшем его матери Марии Николаевне Ткачевой, урожденной Анненской, которое находилось в деревне Сивцово Великолуцкого уезда Псковской губернии. Кроме Петра в семье воспитывались две сестры – Александра, впоследствии известная детская писательница, жена экономиста и публициста Николая Федоровича Анненского, и Софья, в замужестве Криль, умершая в молодом возрасте от неудачных родов, а также старший брат Андрей.

Как самый младший ребенок в семье, Ткачев был окружен вниманием и заботой всех домочадцев, но особенно, конечно же, со стороны матери. Однако в 1848 году Ткачевых постигло несчастье – внезапно умер глава семьи Никита Андреевич. Ранняя смерть отца во многом определила дальнейшую судьбу Ткачева. Осиротевшая семья переехала в Петербург, где моментально окунулась во все «прелести» жизни разночинной интеллигенции, вынужденной зарабатывать хлеб и пробивать дорогу в жизнь собственным трудом. Естественно, что Марии Николаевне трудно было одной прокормить четверых детей, и поэтому старшие дети рано вступили на трудовую стезю. Тяготы далеко не безоблачного детства, несомненно, наложили существенный отпечаток на становление мировоззрения юного Петра. Можно предположить, что именно детские и юношеские годы, когда преобладает подсознательное восприятие действительности, происходит формирование личности, и закладываются черты психологического типа, оказали значительное влияние на процесс зарождения у него радикального образа мышления.

В годы детства и юности Ткачев пережил два серьезных душевных надлома, отложившихся затем в недрах его психики в виде посттравматических переживаний. Первый надлом был связан со смертью отца, которая выбила всю семью Ткачевых, в том числе и четырехлетнего Петра, из привычного ритма жизни. Второй душевный надлом приходится на гимназические годы Ткачева, когда домашний мальчик был лишен привычной для него материнской опеки и оказался предоставленным самому себе в кругу сверстников. Скромный, тихий, застенчивый и очень впечатлительный юноша попал в непривычную для себя обстановку, где необходимо было бороться за собственное «я» и отстаивать его. Позднее, вспоминая свои гимназические годы, Ткачев нелицеприятно отзывался о царивших в гимназии нравах и методах воспитания, указывал на грубый деспотизм, невежество, «тупоумие» учителей и наставников, на бесконечные порки, бессмысленную «долбню» и на произвольное, подавляющее господство старших учеников над младшими [16, с. 4-5]. Вероятно, в эти годы в нем зародилось чувство материальной ущербности, так как Мария Николаевна не могла платить за обучение сына, и Ткачев учился за государственный счет. Это, с одной стороны, порождало, думается, мысль об иждивенчестве и неполноценности, а с другой – чувство обиды, несправедливости и желание найти выход из создавшегося положения.

Закономерным итогом этих переживаний стало тяготение молодого Ткачева к социалистическим идеям, которые во второй половине 1850-х годов все более проникали в ученическую среду и, надо отметить, находили там для себя благоприятную почву. В них юный Ткачев видел «свет в конце тоннеля», находил созвучные своим переживаниям мысли и затем, вслед за своими кумирами, пошел по пути наименьшего сопротивления, искал простого варианта решения сложной социальной проблемы, обвиняя во всех бедах самодержавную власть. Гимназия стала первым революционным «университетом» для Ткачева. Уже в то время пытливый и одаренный проницательным умом юноша познакомился с сочинениями Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена и Н. П. Огарева, ранними критическими статьями Д. И. Писарева и работами западноевропейских социалистов: П. Прудона, Луи Блана, Ф. Лассаля. Из этих источников Ткачев черпал представления об идеях всеобщего равенства и социальной справедливости, а также о средствах воплощения их в реальности.

Несмотря на полученный от отца дворянский титул, Ткачев был типичным разночинцем, представителем той социальной категории, которой суждено было стать ядром революционного движения. Разночинство стало формироваться в период правления Николая Павловича. Внешне все выглядело спокойно в Российском государстве второй четверти XIX века. После событий на Сенатской площади правительство и лично император постарались предусмотреть все предохранительные меры для того, чтобы ростки радикализма не взошли больше на русской почве. Само слово «революционер» стало крамольным и сходным по значению с термином «государственный преступник». Однако избежать второго пришествия радикализма в Россию не удалось. «Ахиллесовой пятой» российской самодержавной системы (в целом казавшейся монолитной) была сфера образования.

Дело в том, что Николай Павлович проводил курс на элитарность высшего образования. Российское студенчество того времени почти на 100% состояло из потомственных дворян. Многочисленные представители средних слоев, не говоря уже о низших, не имели доступа к университетскому образованию. Это означало существенные ограничения в карьерном росте, нереализацию возможностей, способностей, личных амбиций и стремлений. Отсюда чувство приниженности, комплексы неполноценности и «маленького человека», выраженные в агрессивности, направленной вовне, персонификации зла, острой обиде, зависти, озлобленности и жажде мести.

К середине XIX века разночинцы представляли собой достаточно сплоченную группу политических маргиналов, желавших только одного – разрушить ненавистный им общественный строй, который, по их убеждению, мешал самореализоваться в жизни. Вообще, как метко выразился С. Н. Булгаков [3, с. 8], в человека природой вложена способность «к святому недовольству» как собой, так и окружающей средой и стремление к постоянному усовершенствованию. Но в разночинской ментальности рефлексия приобрела гипертрофированную форму. Они не дорожили прошлым из-за многочисленных тягот и лишений, перенесенных в годы детства и юности, ненавидели настоящее, в котором не могли найти себе точку опоры, но страстно мечтали о светлом будущем. Причем мечтания о земном рае были облечены в эгоистичную форму. Много рассуждая о народном благе и счастье, разночинцы хотели построить «Царствие Земное», прежде всего, для себя. Это кредо отчетливо выразил главный герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» Евгений Васильевич Базаров, рассуждавший о том, что ему нет никакого дела до того, что какой-то крестьянин будет жить хорошо, когда из самого Базарова «лопух расти будет».

Разночинцы, которые постепенно стали преобладающей группой в рядах российской интеллигенции, принесли с собой новые идеи. Выдающиеся русские мыслители 30-40-х годов XIX века были романтиками и идеалистами. Даже при обсуждении политических и социальных проблем современного им общества они не опускались до уровня крайнего практицизма. Их рассуждения оставались философскими по своему характеру. Новое же поколение было совершенно иным. Оно любило называть себя «критическими реалистами». «Дети», в отличие от «отцов», не видели пользы в метафизике и были абсолютно безразличны к эстетической стороне жизни. Подобная сугубо рационалистическая реакция на романтический идеализм предшествующего поколения была одной из основных черт направления, известного как нигилизм.

Нигилизм был, прежде всего, восстанием молодых против традиционной власти, против установившихся норм и традиций, которые представлялись чем-то архаичным и ретроградным. Для нигилистов не было ничего священного в современном обществе, ничто не представляло ценности, кроме рационального критицизма. Молодое поколение обладало неумной жадностью деятельности. Теоретическим размышлениям «отцов» они предпочитали практику, направленную на разрушение.

Эту позицию ясно выразил девятнадцатилетний Д. И. Писарев, который по праву мог бы называться идеологом «базаровщины»: «Вот ультиматум нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет» [11, с. 135]. Таким был фон, в котором формировался юный Петр Ткачев. Из гимназии он вышел готовым к революционной деятельности.

В августе 1861 года Ткачев выдержал вступительные экзамены в Петербургский университет и был зачислен на юридический факультет. Поступление Ткачева в университет стало возможным благодаря «оттепели» второй половины 1850-х годов. Главная задача, которую хотел решить новый император, заключалась в том, чтобы убрать жесткие сословные перегородки, утвердившиеся в период правления его отца, или, по крайней мере, сделать их проницаемыми. Было отменено введенное в 1849 году ограничение числа студентов до 300 человек в каждом университете и разрешен неограниченный прием. Место дворян в университетах стали занимать разночинцы, которые, как правило, были менее подготовлены к получению высшего образования, имели смутное представление о культуре поведения и обучения, но зато обладали прогрессивными, как им казалось, взглядами в противовес ретроградному мировоззрению дворян. Как следствие, курение в стенах университета, шум и хождения на лекциях, пререкания с преподавателями стали обычным делом.

В начале 60-х годов XIX века правительство в лице министра народного просвещения Е. В. Путьгина, спохватившись, решило навести порядок. В мае 1861 года были обнародованы новые университетские правила, которые ограничили доступ к университетскому образованию для разночинной молодежи. Кроме того, студенты лишались права на сходки, организацию касс взаимопомощи, библиотек, читален и т.д. Новые правила вызвали массовые волнения. Выпущенный на волю «дух свободы», воспринимаемый разночинским сознанием как право на вседозволенность, оказалось не так просто вернуть в прежние границы. Студенты отказывались принимать матрикулы в качестве необходимого условия для продолжения обучения в университете. Матрикулами назывались особые книжки, которые служили, как писал Н. В. Шелгунов, видом на жительство и в которых «помещались правила поведения студентов и вообще, так сказать, студенческая конституция» [24, с. 148]. Студенты обобщили матрикулы с теми запретами и ограничениями, которые были введены, и взять матрикулы означало признать новые правила и им подчиниться.

Таким образом, Ткачев с первых дней пребывания в университете оказался в благоприятной для себя обстановке. Одаренный семнадцатилетний юноша сразу же окунулся не в научные искания, а стал активным участником студенческих сходок. 12 октября 1861 года многочисленная толпа студентов перекрыла вход в университет в знак протеста против принятия матрикул. Студенты были окружены полицией, арестованы и направлены в Петропавловскую крепость. Среди задержанных оказался и студент Петр Ткачев, которого вскоре перевели из переполненных казематов Петропавловки в Кронштадтскую крепость. Одновременно Ткачев был отчислен из университета.

Однако действия властей, направленные на подавление выступлений студентов, приводили к обратным результатам. Пытаясь прекратить беспорядки с помощью жестких мер, правительство, само того не желая, усиливало радикальные настроения в молодежной среде. Тем более что студентов не изолировали друг от друга, а помещали вместе. В камерах они устраивали дискуссии на политические темы, пели революционные песни. И стоит ли удивляться тому, что, выйдя из крепости в декабре 1861 года, Ткачев считал морально

оправданным «для обновления России... уничтожить всех людей старше 25 лет» [2, с. 62]. Беспардонное высказывание молодого человека соответствовало духу времени. Призыв к революционному насилию, «к топору» витал в воздухе. Человекоубийственное высказывание юного Ткачева соответствовало духу времени и не было тогда чем-то из ряда вон выходящим.

После освобождения из Кронштадтской крепости Ткачев продолжил прерванное обучение в качестве слушателя «Вольного университета» (так назывался курс лекций, читавшихся для студентов закрытого на один год из-за беспорядков Петербургского университета (кстати, на этот же срок был закрыт и Московский университет). Кроме того, тяжелое материальное положение заставило Петра Никитича зарабатывать на жизнь литературной и переводческой работой. В начале 1860-х годов условия для подобного рода занятий были благоприятными. Как вспоминал Ткачев, это был поистине «медовый месяц нашей журналистики», когда «журналы плодились, писатели размножались, как грибы после дождика» [15, с. 553]. Его первые статьи в основном посвящались юридическим вопросам (в частности, проекту будущей судебной реформы) и уголовной статистике.

Следует обратить внимание на высокий уровень этих работ и широкий для своего возраста кругозор автора. Статьи о будущей судебной реформе осложнили отношения Ткачева с цензурой. Опытные цензоры быстро почувствовали революционную подоплеку в них. Полнее раскрыться публицистическому таланту Ткачева помешал новый арест. Во время обыска полиция обнаружила у него два экземпляра прокламации Н. П. Огарева «Что нужно народу?» Этого оказалось достаточно, чтобы в конце 1864 года осудить Ткачева за «хранение у себя возмутительных сочинений» и на три месяца заключить в Петропавловскую крепость [10].

Освободившись в феврале 1865 года, Петр Ткачев вновь ушел с головой в практическую революционную деятельность и на протяжении нескольких лет находился в эпицентре революционной борьбы. Однако это не помешало ему сдать экстерном экзамены за университетский курс и в 1868 году защитить диссертацию по теме «О воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних преступников» на соискание ученой степени кандидата права.

Вторая половина 1860-х годов – время широкой и плодотворной литературной деятельности П. Н. Ткачева. С ноября 1865 по январь 1866 года он являлся сотрудником журнала Г. Е. Благосветлова «Русское слово». В 1866 году после закрытия этого печатного органа цензурой Ткачев становится постоянным сотрудником журнала «Дело». Спектр тем, выбираемых Ткачевым для статей, был разнообразен. Он выступал по вопросам философии и права, писал экономико-статистические этюды, занимался литературной критикой, переводил и издавал со своими предисловиями и примечаниями книги и т.д. Особый интерес представляют его ежемесячные рецензионные обзоры – «Библиографический листок» в «Русском слове» и «Новые книги» в «Деле». Такая погруженность в литературную работу объясняется не только материальной нуждой. С помощью подцензурной печати Ткачев старался методично развивать свои политические взгляды. Любое произведение (в области философии ли, экономики или художественной литературы) должно содействовать развитию революционного сознания, способствовать революционной деятельности – данный принцип уже в то время был для Ткачева основополагающим.

Во многих его статьях второй половины 1860-х годов на первом месте находился анализ социально-экономических условий развития общества. В частности, Ткачев твердо заявил о себе как стороннике «экономического принципа» в объяснении явлений общественной жизни. Более того, в конце 1865 года он первым в русской легальной печати назвал непосредственного автора этой концепции – «немецкого изгнанника» Карла Маркса [14, с. 32]. Метод экономического детерминизма оказался созвучным системе взглядов Ткачева, постоянно настаивавшего на том, что все явления политического, нравственного и интеллектуального мира в последнем анализе сводятся «к явлениям экономического мира и “экономической структуре” общества» [18, с. 397]. Этот принцип наряду с утилитаризмом лег в основу методологического фундамента его доктрины. П. Н. Ткачев не остановился на простом изложении экономической теории Маркса, а постарался адаптировать ее под свою систему взглядов. В экономический метод он ввел принципы личного интереса, пользы и выгоды в качестве главных пружин, верховных двигателей всех мыслей и поступков, правда, отрицая при этом личную свободу и конкуренцию [13, с. 16].

Активная революционная и литературная деятельность Ткачева во второй половине 1860-х годов прервалась арестом в марте 1869 года за написание прокламации «К обществу», заключавшей в себе «отзыв, оскорбительный и направленный к колебанию общественного доверия к распоряжениям правительственных установлений и оправданию воспрещенных ими действий, с целью возбудить к этим распоряжениям и установлениям неуважение» [5, с. 188]. Затем это дело вошло в состав «нечаевского процесса», по которому в 1871 году Петр Никитич был осужден на заключение в Петропавловскую крепость сроком на год и четыре месяца только за составление названной выше прокламации, так как полиции не удалось доказать причастность Ткачева к организации Нечаева. В общей сложности, включая годы следствия, Ткачев провел в застенках Петропавловки без малого четыре года (с марта 1869 по январь 1873 года).

Однако эти годы не стали потерянными для Ткачева. Находясь в заключении, будучи оторванным от практической деятельности, Ткачев по-прежнему много писал, хотя большинство его статей указанного времени не были пропущены цензурой. Главное место в них вопросы социологии, а именно теория прогресса. Этому способствовали увлечение российской интеллектуальной среды второй половины 1860-х годов философией позитивизма и, как следствие, обилие литературы на эту тему, как зарубежной,

так и отечественной. Ткачев быстро уловил новую тенденцию и постарался использовать ее с возможно большей пользой для себя.

После освобождения из Петропавловской крепости П. Н. Ткачев был сослан в имение матери. Как свидетельствуют очевидцы ссыльной жизни Ткачева, это был веселый, общительный, остроумный человек, не любивший одиночества. Он быстро свел знакомство с соседними помещиками и с исправником, проводил с ними вечера, играл в карты, сделался душой местного общества, и все соседи охотно приглашали его к себе. Столь нетипичное для Ткачева поведение, который обычно был немногословен, молчалив и замкнут, объясняется, на наш взгляд, его желанием усыпить бдительность местных полицейских надзирателей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в декабре 1873 года «душа общества» вдруг неожиданно исчез и вскоре объявился в Швейцарии.

С появлением в конце 1873 года Ткачева в Швейцарии начинается второй значительный этап его жизни и, пожалуй, самый важный и плодотворный период его деятельности. Получив возможность открыто, без оглядки на цензуру высказывать свои мысли, Ткачев не преминул этим воспользоваться. Именно во время эмиграции он систематизировал и концептуально обосновал свою революционную теорию, получившую название политического направления в народничестве, или «русского бланкизма».

Прибыв в Цюрих в конце декабря 1873 года, Ткачев оказался в числе сотрудников недавно образованного русского революционного журнала «Вперед!», который редактировал П. Л. Лавров. Совместное сотрудничество Лаврова и Ткачева продолжалось всего несколько месяцев, так как довольно быстро выявились глубокие идейные разногласия между редактором журнала «Вперед!» и новоявленным русским эмигрантом. Непосредственным поводом к разрыву между ними послужило отклонение редакционным советом рукописи статьи Ткачева, написанной для распространения в народе. В ней изображалась сказочная жизнь, ожидающая русского крестьянина в коммунистическом будущем. В результате Ткачев был обвинен в апологии праздности и тунеядства.

В ответ на отклонение статьи Ткачев написал Лаврову записку, в которой «заявил такие требования относительно влияния на общее ведение редакционных дел (*Ткачев обвинил Лаврова в проведении принципов единоначалия и в узурпации полномочий* – А. Х.), что неизбежно обнаружилась полная невозможность работать вместе» [12, с. 68]. Кроме частного обращения Ткачев решил апеллировать к революционным кругам в форме открытого письма редактору журнала «Вперед!». Оно было издано весной 1874 года отдельной брошюрой. Ее смысл заключался в объяснении Ткачевым своего принципиального несогласия со взглядами Лаврова на революционный процесс.

После выхода из числа сотрудников журнала «Вперед!» Ткачев возвратился из Англии в Швейцарию (в феврале 1874 года типография и редакция «Вперед!» были перенесены из Цюриха в Лондон). Здесь при непосредственной организационной и финансовой помощи русско-польских революционных кругов в конце 1875 года начинает выходить журнал «Набат». Появление этого печатного органа стало значительной вехой в политической биографии П. Н. Ткачева. Именно на страницах «Набата», превратив его в действенное оружие революционной пропаганды, Ткачев заявил о себе как о сложившемся идеологе политического направления в революционном народничестве.

Острополемичный, порой просто насмешливо-издевательский тон, которым были пропитаны статьи «Набата», по отношению к другим революционным фракциям поставил в изолированное положение как само издание, так и его редактора. Но не только полемичность работ Ткачева отчуждала от него русскую эмиграцию. Пропагандируемая им концепция политической революции в качестве необходимого условия для революции социальной не вписывалась в устоявшийся и широко распространенный в среде народников взгляд об аморализме и вредности государственной власти, в чьих бы руках она ни находилась.

Конец 1875 года был ознаменован одним интересным фактом из биографии Ткачева. В среде революционной эмиграции принимается решение в честь 50-летнего юбилея восстания декабристов подготовить и издать очерк по истории политических движений в России за последнее пятидесятилетие. В качестве авторов книги «Политические движения в России с 1825 по 1875 гг.» были выбраны Ткачев и анархист Н. И. Жуковский. Планировалось разделить книгу на 5 отдельных выпусков и опубликовать на двух языках: русском и французском. Однако по неизвестным причинам проект не удалось воплотить в жизнь. В нашем распоряжении имеется план книги, составленный лично Ткачевым. По его замыслу работа подразделялась на следующие главы.

Глава 1. Декабристы.

Глава 2. Заговор Петрашевского.

Глава 3. Политические движения в начале 1860-х гг.

Глава 4. Первые зачатки социально-революционного движения в России с 1861 по 1866 гг.

Глава 5. Успехи социально-революционного движения с 1870 по 1875 гг.

Глава 6. Современное революционное движение [22].

Из представленного плана видно, что книга могла получиться весьма любопытной, учитывая то, что ее авторы являлись непосредственными участниками многих обозначенных периодов.

В середине 1870-х годов неудача «хождения в народ» привела к смещению деятельности русских революционеров в сторону политических методов борьбы. Ткачев с нескрываемым удовлетворением встретил сообщение о создании централизованной конспиративной организации «Земля и воля», рассматривая ее как наглядный пример торжества некоторых своих принципов. Вместе с появлением «Земли и воли» отчетливо

наметилось новое направление в русском революционном движении – политический терроризм. Как отмечал известный дореволюционный юрист Н. А. Гредескул, «некоторая часть русской интеллигенции с середины семидесятых годов избрала иной путь для борьбы с абсолютизмом. Она решила вести эту борьбу путем насилия и устрашения. И так как в ее руках физической силы было мало, то она решила пустить в ход эту силу в форме тайного заговора против жизни тех, кто были носителями абсолютизма» [6, с. 11].

Ткачев не сразу смог ясно сформулировать отношение к этому методу, что вызвало его столкновение с ближайшим соратником по «Набату» и горячим приверженцем террора Г.-М. Турским, после чего Ткачев осенью 1876 года был вынужден покинуть Женеву, поселиться в Париже и практически отстраниться от непосредственного участия в определении позиции «Набата».

Свое понимание сути и значения террористических методов борьбы Ткачев впервые обозначил в 1878 году в статье под символическим названием «Новый фазис революционного движения». Он не отрицал необходимости террора, поскольку «насилие можно обуздывать только насилием же», но предупреждал, что это не самоцель, так как «на подобные казни... следует смотреть лишь как на одно из *средств*, а совсем не как на *цель* и главную задачу революционной деятельности» [17, с. 6]. В 1879 году, продолжая рассуждать на эту тему в статье «Что же теперь делать?», Ткачев прямо ответил на поставленный вопрос: «С... систематическою последовательностью, неуклонною настойчивостью... стремиться *дезорганизовать, терроризировать и уничтожить с корнем* существующую государственную власть» [20, с. 5]. Следовательно, террор признавался им только как одно из действенных средств, способствующих революционному перевороту.

В конце 1870-х годов интенсивность работы Ткачева резко падает. В 1879 году прекратился выпуск журнала «Набат» (затем до 1881 года выходила газета под этим названием). После смерти в 1880 году одного из немногих его близких друзей – Г. Е. Благодетельского – Ткачев постепенно утратил позиции и в журнале «Дело», так как его новый редактор Н. В. Шелгунов делал ставку на молодых сотрудников. Проживая в Париже, Ткачев сблизился с французскими бланкистами и некоторое время печатался в их газете «Ni dieu, ni maitre» («Ни бога, ни господина»). Понижение интенсивности творческой деятельности означало, кроме всего прочего, и потерю заработка. Острая нужда заставляла Ткачева наниматься на любую работу, соглашаться с любым предложением. Так, в 1881 году по просьбе своего бывшего коллеги по журналу «Дело» Н. Шульгина, к тому времени уже издававшего журнал «Живописное обозрение», он согласился вести в этом печатном органе рубрику «Научные и литературные новости». Но это сотрудничество оказалось недолгим. В начале 1882 года Н. Шульгин умер, и Ткачев опять потерял работу.

Последний всплеск активности был связан у Петра Никитича с попытками наладить контакт с «Народной волей». Этот эпизод его политической биографии окрашен в драматические тона. Именно после отказа народовольцев сотрудничать с Ткачевым у него произошел глубокий душевный надлом, перешедший затем в необратимую, тяжелую форму психического заболевания. О том, как тяжело отразилось на Ткачеве нежелание «Народной воли» сотрудничать с ним, свидетельствует одна из последних его политических статей под названием «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России», написанная в 1881 году. Эта работа выбивается из ряда его обширного публицистического наследия вульгарно-примитивным тоном, несвойственным этому мыслителю, от нее веет каким-то безнадежным отчаянием, что свидетельствует о наметившемся идейном и духовном кризисе Ткачева. Из всего арсенала методов и приемов политической борьбы он считал целесообразным на данный момент лишь один – террор – как единственное средство «к освобождению русского человека из-под гнета оболванивающего и оскотинивающего его страха» [19].

Устранить страх человека перед государственной властью можно, по его мнению, лишь одним способом: методом дезорганизации и ослабления этой власти путем терроризирования «отдельных личностей, воплощающих в себе, в большей или меньшей степени, правительственную власть», скорой и справедливой расправой с носителями самодержавной власти и их «клеветами» [Там же]. Возможно, что после неудачной попытки сблизиться с народовольцами Ткачев находился в переходном состоянии, когда старый путь кажется пройденным, а контуры нового только начинают просматриваться вдали. Но разглядеть его Петру Никитичу не удалось, слишком много сил было потрачено, слишком тяжел был удар. Ткачев оказался выброшенным на обочину революционной жизни и не смог этого пережить.

Развязка наступила 8 декабря 1882 года, когда, возвращаясь с похорон французского социалиста Луи Блана, он впал в буйное помешательство и после освидетельствования был признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу. Там Ткачев стал поправляться, находился в хорошем расположении духа, шутил с медперсоналом и постоянно спрашивал, когда его выпишут. Однако новый приступ сделал процесс протекания болезни необратимым. Диагноз – паралич коры головного мозга.

Петр Никитич Ткачев скончался 23 декабря 1885 (4 января 1886) года. Похоронен он был на эмигрантском кладбище *Vagneux* в черте Парижа, о чем есть запись в «Русском некрополе», составленном великим князем Николаем Михайловичем [4, с. 101].

Так завершился земной путь этого яркого, незаурядного человека, талантливого и одаренного публициста, глубокого и вдумчивого мыслителя, страстного революционера. Очутившись семнадцатилетним юношей в водовороте революционной бури, Ткачев остался в нем навсегда. Революционность стала главной чертой его характера, стержневой его основой. Все дела, события и поступки, все разнообразие явлений культурной и общественной жизни он рассматривал сквозь призму пригодности и полезности их для революционного дела. Социалистическая революция стала для него чем-то вроде религии. Материалистически

мысливший, отрицавший бога, Ткачев создал для себя новый идеал, символ, в который верил самозабвенно, безгранично и преданно, вплоть до самоотвержения. Возведя в абсолют культ революционности, Ткачев видел только один путь для преобразования России – путь революционного переворота, иные пути были для него немислимы. В этом революционном монизме и заключается, на наш взгляд, главная трагедия Ткачева. Вогнав себя в «прокрустово ложе» фанатизма, приверженности одной идее, он попытался все жизненное многообразие подогнать под ее рамки, а не приспособить идею к развитию и потребностям жизни.

Крайний радикализм Ткачева был обусловлен нетерпением, нежеланием ждать («нетерпеливцы» – колоритно назвал подобного рода людей писатель

Н. С. Лесков) [8, с. L], стремлением как можно скорее осуществить на практике свои идеи. И, конечно же, при такой постановке вопроса никогда не может встать проблема выбора средств для достижения цели. Все хорошо, все пригодно, все желательно, только бы содействовало намеченному результату. Этот постулат, как и многие другие положения учения Ткачева, отчетливо прослеживается в ленинской модели революционных преобразований [23]. Сам В. И. Ленин редко упоминал имя Ткачева в своих произведениях, но это не помешало ему воспользоваться идеями русского бланкиста для захвата власти и установления социалистического строя диктаторского образца.

Список литературы

1. Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. Берлин: Издательство З. И. Гржебина, 1923. 444 с.
2. Анненская А. Н. Из прошлых лет: воспоминания о Н. Ф. Анненском // Русское богатство. 1913. № 1. С. 53-81.
3. Булгаков С. Н. Душевная драма Герцена. Киев: Издание книжного магазина С. И. Иванова, 1905. 45 с.
4. Великий князь Николай Михайлович. Русский некрополь в чужих краях. Пг.: Типография М. М. Стасюлевича, 1915. Т. 1. 101 с.
5. Государственные преступления в России в XIX веке: сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений / сост. В. Богучарский. СПб.: Издательство А. И. Парамоновой, 1906. Т. 1. 1825-1876. 350 с.
6. Гредескул Н. А. Террор и охрана. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1912. 34 с.
7. Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг.: Государственное издательство, 1920. 90 с.
8. Лесков Н. С. Товарищеские воспоминания о П. Якушкине // Сочинения П. И. Якушкина. СПб.: Издание Вл. Михневича, 1884. С. XLVII-LXIII.
9. Мицкевич С. И. Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6-7. С. 3-26.
10. Официальная хроника // Олонекские губернские ведомости. 1864. 21 ноября.
11. Писарев Д. И. Схоластика XIX века // Писарев Д. И. Сочинения: в 4-х томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. С. 97-159.
12. Тверитинов А. Н. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1906. 100 с.
13. Ткачев П. Н. Барды французской буржуазии: Эмиль Жирарден и его философия // Дело. 1869. № 3. С. 3-30.
14. Ткачев П. Н. Библиографический листок // Русское слово. 1865. № 12. С. 16-40.
15. Ткачев П. Н. Издательская и литературная деятельность Г. Е. Благовестлова // Ткачев П. Н. Кладези мудрости российских философов. М.: Правда, 1990. С. 550-576.
16. Ткачев П. Н. Недоконченные люди // Дело. 1872. № 3. С. 1-38.
17. Ткачев П. Н. Новый фазис революционного движения // Набат. 1878. № 3-6. С. 2-6.
18. Ткачев П. Н. По поводу книги Дауля «Женский труд» и статьи моей «Женский вопрос» // Ткачев П. Н. Кладези мудрости российских философов. М.: Правда, 1990. С. 393-405.
19. Ткачев П. Н. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // Набат. 1881. 1 сентября.
20. Ткачев П. Н. Что же теперь делать? // Там же. 1879. № 3-5. С. 1-10.
21. Фигнер В. Н. Очерки автобиографические // Фигнер В. Н. Полное собрание сочинений: в 7-ми т. Изд-е 2-е, пересм., допол. и исправ. М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. Т. 5. С. 9-190.
22. Фигнер В. Н. Старые письма // Каторга и ссылка. 1933. № 11. С. 60-76.
23. Худолеев А. Н. Революционная теория В. И. Ленина в исторической ретроспективе // История в подробностях. 2010. № 4. С. 14-20.
24. Шелгунов Н. В. Воспоминания // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1967. Т. 1. С. 49-324.

P. N. TKACHEV: HISTORIC BIOGRAPHY RESEARCH

Aleksei Nikolaevich Khudoleev, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Native History and History Teaching Technique
Kuznetsk Basin State Pedagogical Academy
khudoleev73@mail.ru

The article is devoted to the biography of the distinguished theorist of revolutionary populism – P. N. Tkachev. The author pays special attention to the conditions of the formation and development of his social-political views and makes the conclusion about P. N. Tkachev's tragic fate who wasn't acknowledged by the contemporaries but greatly influenced the development of revolutionary movement in Russia.

Key words and phrases: P. N. Tkachev; radicalism; populism; historic biography; revolutionary movement; Russian Blanquism; Russian public thought.